

— Если память мне не изменя, Сяньсянь ведь тоже ученик твоего наставника, Чжан Цзинчжуна? — спросил новый император.

У красивых имён, которые давал ученикам их учитель, имелся один скрытый, но фатальный изъян: посторонним даже не приходилось напрягать память, чтобы запомнить братьев. Стоило лишь вскользь упомянуть имя, как собеседник тут же всё понимал.

Чи Нин и не думал отпираться. Напротив, он намеренно подводил молодого государя к этой связи. Если бы Его Величество не знал о «Линьцзянсяне», Чи Нин сам бы приложил все усилия, чтобы просветить его.

— Всё так, Ваше Величество, Сяньсянь — мой второй старший соученик, — почтительно отозвался Чи Нин. — Ещё в годы девиза Тяньхэ он отправился в земли Шу, чтобы занять должность оборонного евнуха. За три года на этом посту он проявил себя как человек исключительно усердный, бережливый и преданный делу. Он сумел наладить безупречное взаимодействие с местными левыми и правыми чиновниками, наместником и инспекторами. Его труды заслужили единодушную похвалу как верхов, так и низов.

Проще говоря, Сяньсянь был на редкость изворотливым пронырой, умевшим угодить и вашим, и нашим. Самым выдающимся его достижением было умение одновременно ладить с двумя заклятыми врагами, каждый из которых жаждал смерти другого — и, что примечательно, оба прекрасно знали о существовании соперника. Чи Нин до сих пор, при всём своём скромном жизненном опыте, не понимал, как второму брату удавался подобный трюк. Самого Чи Нина люди вечно недолюбливали по самым нелепым причинам, так что всеобщая, единодушная любовь к Сяньсяню казалась ему чем-то запредельным.

Земли Шу были удельным владением сиятельного князя Цзина, и одного лишь упоминания об этой связи хватило, чтобы новый император почувствовал укол смутного беспокойства.

Государь и раньше знал, что Юй Синчуй служит оборонным евнухом в Шу, но сегодня эта мысль отозвалась в его разуме тревожным эхом. Нельзя было позволять князю Цзину и клике Чжэньнана укреплять связи. Сможет Сяньсянь вернуться в столицу или нет — неважно, но оставлять его в Шу больше нельзя!

Но с другой стороны...

Почти во всех ключевых провинциях, где требовались оборонные евнухи, сидели свои удельные князья или стояли крупные гарнизоны. И кого бы туда ни отправили, отправь туда Юй Синчуя — и этот проныра непременно заведёт дружбу с местной верхушкой, мгновенно назвавшись им названным братом.

Держать подобного человека на периферии было для императора источником постоянного страха.

Если рассудить здраво, возвращение Юй Синчуя в столицу и назначение его в Дирекцию дворцового хозяйства, которая и так уже считалась вотчиной их братства, выглядело самым безопасным решением. Пусть их влияние дублирует друг друга в одном ведомстве — это куда лучше, чем позволять им расширять связи по всей империи и плести заговоры на местах.

Однако Юй Синчуй отличался от Чи Нина. Хотя оба они носили звание оборонных евнухов, ранг и реальное влияние на разных постах разнились разительно.

К примеру, Чи Нин в своё время отправился в Цзянцзо. Красивое название «колыбель династии» на деле означало лишь глухую деревню, откуда вышли предки рода Вэнь, когда ещё гнули спины на пашне. Говоря начистоту, не зародись здесь императорский род, это захолустье никто бы не додумался сделать центром провинции — даже для обычного уездного городка оно было слишком невзрачным. Нищая, Богом забытая глушь, которая, несмотря на все милости и покровительство двора, так и оставалась безнадежно бедной.

Ссылка Чи Нина в Цзянцзо была однозначным сигналом: его списали со счетов и отправили доживать свой век.

Но назначение Юй Синчуя в земли Шу — этот благодатный край и важнейшую военную твердыню — несло совсем иной смысл. Для любого евнуха это было лакомым куском, пределом мечтаний, где каждый чувствовал себя полноправным удельным владыкой.

Именно поэтому новый император так опасался князя Цзина: земли Шу были слишком богаты, слишком важны и занимали весьма двусмысленное положение.

Если оборонный евнух земель Шу возвращался в столицу, то по негласному правилу — ставшему почти законом — его ожидало повышение как минимум на полранга. Это означало, что в двенадцати главных управлениях или притворах придётся потесниться, чтобы освободить место для столь важной персоны. Юй Синчуй был настоящей крупной рыбой. Наставник Чжан в своё время выстроил для второго ученика идеальный путь: по его замыслу, по возвращении Юй Синчуй должен был сразу занять пост директора с печатью Дирекции императорских конюшен и, более того, возглавить командование тремя столичными гарнизонами.

Юй Синчуй владел боевыми искусствами. Среди евнухов он был редким исключением — человеком с сокрушительной силой, которую, впрочем, невозможно было угадать по его хрупкой, почти неземной внешности. Притворяться слабым, чтобы сожрать сильного, — вот его излюбленная забава. Лучшее средство против любого упряма.

Изначально наставник готовил Юй Синчуя на роль личного щита императора Тяньхэ. Увы, не успел тот накопить достаточно заслуг в Шу и вернуться, как защищать уже стало некого: император Тяньхэ без вести сгинул.

Словом, рекомендация Чи Нина назначить Юй Синчуя директором Дирекции дворцового хозяйства была более чем разумной. Пожалуй, для человека такого калибра эта должность была даже мелковата.

Новый государь быстро взвесил всё в уме. Заложив руки за спину, он стоял посреди зала. В душе он уже согласился с Чи Ниным, но не упустил случая проявить подозрительность:

— Ты рекомендуешь мне собственного старшего брата. Каковы твои истинные помыслы?

«Чем это отличается от твоей собственной попытки прибрать к рукам Дирекцию дворцового хозяйства?» — читалось в его взгляде.

— В трактате «Хань Фэй-цзы», толкующем «Вёсны и осени господина Люя», сказано: «Рекомендуя на службу, не избегай врагов, если они достойны; рекомендуя близких, не обходи сыновей», — спокойно ответил Чи Нин. — Ваше Величество спросили меня, кто лучше всего подходит на должность директора Дирекции дворцового хозяйства, а не о том, кто приходится мне братом по обучению. Я назвал Юй Синчуя лишь потому, что он обладает нужными талантами и справится лучше прочих. Я решился заговорить о нём лишь потому, что верил в широту души Вашего Величества — верил, что вы не станете отвергать достойного мужа только из-за его родства со мной.

Тот, кто предлагает на должность близкого человека, не должен бояться досужих сплетен и кривотолков.

В юности Чи Нин учился не щадя сил. В умении сыпать цитатами из канонов и приводить неопровержимые доводы ему не было равных. Сейчас он стоял перед государем, являя собой само воплощение непреклонной добродетели.

Эта уловка была проста и очевидна: безупречная честность, против которой нечего возразить. Даже новый император, предвзято относившийся к Чи Нину, не нашёлся что ответить.

В Увэйдяне воцарилось долгое, гнетущее молчание. О чём размышлял император, оставалось лишь догадываться. Чи Нин решил придерживаться выжидательной тактики: «Раз государь молчит, буду молчать и я». Посмотрим, у кого первого сдадут нервы.

Мысли императора на самом деле текли по весьма простому руслу. Слова Чи Нина заставили его вспомнить о спорах, бушевавших сейчас среди придворных чиновников. Переважив услышанное, он решил испытать собеседника:

— Вот как? Что же в таком случае я ни разу не слышал, чтобы ты рекомендовал кого-то из своих врагов?

Он вёл себя как заправский спорщик, цепляющийся к каждому слову.

— Потому что те, кто враждует со мной, Ваше Величество, обычно уже сидят в темнице, — улыбнулся Чи Нин. Он предвидел этот выпад и подготовил ответ заранее. — Зачем мне предлагать государю глупцов, подлецов и ничтожеств?

— Неужели все до единого за решёткой? — хмыкнул император, так и не заметив, что нить разговора давно перешла в руки Чи Нина. Роли переменились: теперь, какой бы каверзный вопрос ни задал государь, Чи Нин легко находил на него ответ.

— Раз Ваше Величество изволили заметить... — Чи Нин отвесил глубокий поклон, скрывая затаившийся в глазах блеск честолюбия, — у меня и впрямь есть одна дерзкая мысль. Я давно хотел порекомендовать евнуха Ма из Дирекции церемониала.

— Ма Вэня? — император нахмурился, и на его лице отразилось крайнее недоумение. — И на что же он годен?

— Рекомендую его на пост главы нового сыскного ведомства, созданного специально для расследования дела секты Небесного Писания.

Дело секты Небесного Писания было запутанным. Первые её следы появились ещё до ссылки Чи Нина в Цзянцзо — тогда в столице зародилась мрачная еретическая сила. К моменту его возвращения секта случайно выдала себя и была разгромлена правительственными войсками. Однако в ходе дознания выяснилось, что зараза проникла глубоко в ряды дворцовых евнухов: счёт обманутых шёл на сотни.

От одной мысли об этом по спине пробежал ледяной пот. Император должен был содрогнуться от ужаса: вражеские лазутчики спали под боком, подавали ему еду и одевали по утрам.

Что случилось бы, не откройся правда вовремя?

Если бы Чи Нин случайно не встретил в монастыре Истинного Покоя сожительницу евнуха Ма, Хуан Саньнян, никто бы так и не узнал, что она — шпионка еретиков, а уцелевшие члены секты уже готовятся поднять голову.

Не будь этой связи, бросившей тень на Ма Вэня, он бы давно без труда возглавил Восточный притвор.

Сейчас евнух Ма был для государя подобен куриному ребрышку из поговорки: и есть нечего, и выбросить жалко. Доверять ему полностью император не мог, но и обойтись без него не получалось — ведь Ма Вэнь в своё время поддержал кандидатуру нынешней императрицы Лю во время отбора невест. В отличие от суровой и властной вдовствующей императрицы Юцин, молодая государыня Лю бесконечно доверяла евнуху Ма, помня его былую услугу.

Между императором и его супругой не было пылкой любви, но они относились друг к другу с глубоким уважением. Они обручились ещё в юности и рука об руку прошли долгий, полный опасностей путь. К тому же ходили слухи, что императрица тайно вынашивает законного наследника, и государь не мог пренебречь её чувствами.

Однако то, что место директора Восточного притвора пустовало, доставляло монарху массу хлопот. Он словно лишился собственных глаз и ушей.

Решать этот вопрос требовалось незамедлительно.

И тут Чи Нин предложил блестящий выход: поручить расследование дела секты самому Ма Вэню, дабы тот делом доказал свою преданность престолу. Если евнух окажется замешан в измене, у императрицы не останется поводов заступаться за него; если же он чист, то...

— Мой учитель в юности учился каллиграфии у господина Яна, — вкрадчиво произнес Чи Нин.

Господин Ян в эпоху правления императора Су занимал пост первоприсутствующего в Кабинете министров и пользовался непререкаемым авторитетом как мудрый государственный муж. Из-под его крыла вышло немало достойных евнухов, чьи имена остались в веках. Чи Нин упомянул эту великую фигуру лишь для того, чтобы придать своим словам веса.

— Господин Ян говаривал моему наставнику: вся власть в Поднебесной держится на одном слове — «равновесие». Только при относительном равенстве сил возможно процветание государства. Сосуществование Кабинета министров и Дирекции церемониала — историческая неизбежность.

Кабинет министров и Дирекция церемониала, внешняя и внутренняя палаты, были неразрывно связаны и сдерживали друг друга, обеспечивая стабильность Великой Ци. Стоило весам качнуться в любую сторону — будь то в пользу чиновничества или дворцовой челяди, — и государь рисковал превратиться в послушную марионетку. Но пока соблюдался баланс, император мог править без лишних забот, сохраняя полноту верховной власти.

Именно поэтому Дирекция церемониала неизбежно должна была занять главенствующее положение во дворце.

Наставник Чжан понимал это лучше других. Он осознавал, что для евнухов это единственный путь к спасению, и потому в своё время предпочёл уступить, не ввязываясь в губительную усобицу с Лань Цзетином.

Чи Нин заговорил об истории лишь для того, чтобы подвести императора к своей дерзкой идее:

— Когда создавался Восточный притвор, его целью было сдерживать Парковых стражей. Наш великий предок не доверял тайной страже и полагался на преданность близких слуг. Но к эпохе Тяньхэ могущество Восточного притвора достигло предела. Парковые стражи уступили первенство и превратились в послушное орудие евнухов. Иными словами... Сдерживать Восточный притвор стало попросту некому.

Новый правитель не был глупцом. Чи Нин разложил всё по полочкам, и государь сразу уловил

скрытый смысл.

Чтобы разрешить кризис, требовалось создать новое ведомство — преданное лично ему и способное уравновесить Восточный притвор.

Такое, как Западный притвор.

Чи Нин не только подал блестящую идею, но и сосватал на роль директора Западного притвора своего злейшего врага — евнуха Ма. Истинное воплощение принципа «рекомендуй врага своего, коли он достоин».

На первых порах Западный притвор займётся сектой Небесного Писания, а как распорядиться этой силой в будущем — решать одному государю. Она станет новым грозным клинком в его руках.

Император поймал себя на мысли, что Чи Нин чертовски прав. Но следом за этим пришло горькое сожаление: почему столь проницательный муж предан безвременно ушедшему брату, а не ему, нынешнему владыке?

Какая непростительная потеря!

— Разумеется, — Чи Нин решил сыграть в искренность, зная, как важно вовремя обнажить душу, — в моих словах есть доля корысти. Юй Синчуй — мой старший брат по обучению. С ним во главе Дирекции дворцового хозяйства мне не придётся постоянно спотыкаться о козни всяких болванов. Что же до Ма Вэня... Он затаил на меня обиду лишь потому, что считает меня преградой на своём пути. Если он будет по уши занят государственными делами, мне станет гораздо спокойнее. Разве дурно иметь личный интерес, когда ты верно служишь престолу? Люди не святые, у каждого есть свои пристрастия. И если так... Почему бы и нет?

Последние слова ударили в самое сердце государя, словно поминальный колокол, отозвавшись на его сокровенные обиды. Он император, но он также и человек! Почему он не может проявить немного благосклонности к близким людям, если дело всё равно будет сделано? Какое преступление в том, чтобы почтить память покойной матушки титулом вдовствующей императрицы? Разве это кому-то мешает?

Чи Нин только что подарил ему желанное оправдание.

Да, он кругом прав!

Высказавшись, Чи Нин тут же умолк, прекрасно зная цену излишествам, и почтительно удалился.

Из дворца он вылетел словно на крыльях. Душа его пела от восторга, и не боясь он прослыть

безумцем, непременно затянул бы весёлую арию.

Сегодня брат возглавит Дирекцию дворцового хозяйства, а завтра, глядишь, приберёт к рукам и конюшни. Пост директора Дирекции императорских конюшен подошёл бы ему идеально.

А если его главный соперник увязнет в делах Западного притвора, Восточный притвор неизбежно достанется ему самому. В конце концов, Чи Нин вернулся в столицу лишь ради того, чтобы стать директором Восточного притвора, который послужит ему надёжным трамплином в Дирекцию церемониала.

Какими бы извилистыми тропами он ни шёл, он никогда не терял из виду свою заветную цель.

Вернувшись в свои покои, Чи Нин сразу взялся за кисть. В письме ко второму брату он кратко сообщил: «Дело слажено, готовься к дороге». Как бы ни были хороши земли Шу, им вовек не сравниться со столичным великолепием.

Человек с истинным честолубием никогда не согласится вечно прозябать на окраине империи, довольствуясь ролью захолустного царька.

Юй Синчуй разделял эти стремления, однако в столице у них больше не было защиты в лице покойного учителя Чжана, а у власти стояли сторонники их старого недруга Му Чэня. Он не решался подать прошение о переводе в столицу по истечении срока службы, опасаясь остаться у разбитого корыта.

Чи Нин знал о сомнениях брата ещё во время своего пребывания в Цзянцзо, но тогда у него не было возможности помочь. И лишь сегодня судьба улыбнулась ему.

Новый император оказался на редкость удобным орудием в его руках.

Во дворце Вечного Спокойствия Вэнь Чэнь с безупречным детским простодушием смотрел на троих служанок, зная, что под женским платьем скрываются крепкие мужские плечи. Снаружи он казался обычным невинным дитятей, но в душе его царило мрачное смирение:

«Чему быть, того не миновать»

В прошлой жизни Линь-баньбань приставил к нему этих троих «девиц» — одна краше другой, каждая со своим неповторимым нравом. Они преданно заботились о нём до шестнадцати лет. Вэнь Чэнь души в них не чаял, звал ласковыми сёстрами, искренне уважал и мечтал выдать замуж за достойных мужей. Кто же знал, что ни одна из этих «сестёр» на деле не была женщиной...

Вспоминать о том, какое потрясение он испытал тогда, Вэнь Чэню не хотелось. Сейчас его куда больше заботили дела Линь-баньбана и дворцовые интриги.

Возрождение в детском теле имело свои достоинства и недостатки. С одной стороны, он мог исправить былые ошибки; с другой — вновь столкнулся с полнейшим бессилием, обречённый жить без капли реальной власти.

Маленький принц, запертый в дальних покоях Запретного города, не мог влиять на ход событий. Ему с трудом удавалось даже разузнать, что происходит за стенами его обители.

Лишь ценой невероятных усилий он сумел сделать первый шаг — восстановил связь с тайной стражей своего покойного отца. Именно один из этих невидимых защитников спас его, когда принц упал в воду.

Создание этой тайной стражи было причудой покойного императора Тяньхэ. В своё время Восточный притвор вместе с Парчовыми стражами разгромил клан наёмных убийц. Среди выживших оказались дети-сироты, которых ещё не успели обучить кровавому ремеслу, но которые уже не могли вернуться к нормальной жизни. Император Тяньхэ, начитавшись приключенческих романов, загорелся идеей воспитать из них личных преданных теней.

Государь часто предавался грёзам о том, как на закате дней передаст эту грозную невидимую силу своему наследнику, и предвкушал изумление сына.

Увы, судьба распорядилась иначе.

Когда император Тяньхэ бесследно исчез, восемь сопровождавших его стражей-теней сгинули вместе с ним, Чжан Цзинчжуном и Лань Цзетином. А ведь нити управления этой сетью находились в руках Лань Цзетина.

Именно поэтому новый государь, взойдя на трон, так и не заподозрил о существовании тайной силы, затаившейся в самом сердце его дворца.

Сами стражи тоже не торопились объявлять о себе. В их рядах наметился глубокий раскол: одни полагали, что обязаны служить новому императору, ведь долг стража — защищать того, кто сидит на троне. Другие же считали своим господином исключительно Вэнь Чэня, законного наследника, почитая нового государя узурпатором, пособничать которому было грехом.

Разногласия так и не были улажены. В конце концов они решили отправить лучшего воина тайно приглядывать за Вэнь Чэнем.

Впрочем, к новому императору они приставили такого же соглядатая.

Пока спор не разрешился, это было единственным выходом.

Но благодаря тонкому расчёту Вэнь Чэнь этот процесс пошёл быстрее. Ему удалось склонить сомневающихся на свою сторону и полностью подчинить тайную стражу своей воле.

Однако мальчик действовал крайне осторожно, не спеша вмешиваться в большую политику. Лишь однажды он позволил себе опробовать силы: подучил одного из будущих придворных подхалимов поднять в совете вопрос о посмертном титуле для покойной матери императора. Это изрядно подпортило жизнь новому государю.

Если память его не обманывала, следующим шагом должен был стать ход вдовствующей императрицы.

Вэнь Чэнь размышлял, стоит ли ему вмешиваться.

Напустив на себя ребячливый вид, он дёрнул Ли Шимэя за рукав:

— Сестрица, сестрица, расскажи мне ещё про Линь-баньбана! Он вспоминал обо мне?

— Конечно вспоминал, и не раз, — мягко улыбнулся Ли Шимэй.

Он умел притворяться и слыл самым сообразительным среди троицы. Соглашаясь оберегать покой маленького принца в течение десяти лет, Ли Шимэй сразу разгадал замысел своего названного отца и теперь усердно укреплял светлый образ Чи Нина в сердце ребёнка.

— Господин Чи безумно скучает по вам, но суровые законы двора не позволяют ему навестить ваше высочество.

— Я знаю, — вздохнул Вэнь Чэнь. В прошлой жизни он готов был слушать эти речи бесконечно, да и сейчас они грели ему душу. — А нет ли у баньбана каких-нибудь забот?

Чего именно желал Чи Нин в эти годы, Вэнь Чэнь, признаться, не помнил.

Тогда он грезил лишь о скорой встрече с названным отцом. Теперь же он повзрослел и хотел не просто увидеть Чи Нина, но и стать для него надёжной опорой.

Ли Шимэй на миг растерялся.

«Действительно, чего желал его названный отец? Неужто набрать побольше приёмных сыновей?»

Дождавшись очередного дня отдыха, Чи Нин в прекрасном расположении духа отправился в гости к Цзян Чжиуэю, дабы поделиться радостной вестью:

— С возвращением второго брата наши дела пойдут на лад.

Дом Цзян Чжиуэя всегда кипел жизнью. В своё время он попал во дворец по нелепой случайности — родители вовсе не продавали сына ради наживы, и оттого, томясь чувством вины, любили его ещё сильнее. Мягкий и добродушный нрав Цзян Чжиуэя выдавал в нём человека, выросшего в ласке и тепле. Дослужившись до чина и скопив приличное состояние, он приобрёл в столице просторную усадьбу, где поселил всю свою многочисленную родню: братьев с жёнами, сестёр с мужьями и ораву весёлых племянников.

Немудрено, что каждую свободную минуту Цзян Чжиуэй стремился провести дома. Кто променяет семейный очаг на сырые дворцовые покои?

Чи Нин частенько завидовал этой дружной семье.

Впрочем, зависть не мешала ему трезво оценивать друга: становиться на место простодушного соученика Чи Нин не желал ни за какие блага мира. Слишком уж тот был недогадлив, что порой вызывало у Чи Нина искреннюю досаду.

— Сяньсянь уже прислал мне весточку, — кивнул Цзян Чжиуэй. — Он пишет, что твои уловки... твои уловки разожгли в груди нового императора яростный огонь борьбы с придворной знатью.

Молодой государь, вопреки ожиданиям Чи Нина, проявил недюжинную смекалку. Поняв, что добиться посмертного титула для матери пока не удастся, он решил осыпать родню по материнской линии — семью Чэнь — высокими дворянскими титулами.

Титул — не должность. От двора требовалось лишь регулярно выплачивать жалованье и выдавать зерно, без права вмешиваться в государственные дела. Семья Чэнь должна быть довольна. А если среди младшего поколения объявятся истинные таланты, способные сдать экзамены и честно служить отечеству, то почему бы не дать им чин?

Цзян Чжиуэй так и не разгадал хитрый замысел Чи Нина, зато Сяньсянь раскусил его сразу. В своём письме он подробно объяснил старшему брату суть интриги и попросил передать Чи Нину: «В землях Шу водится одна редкая тварь, точь-в-точь похожая на тебя».

— О, польщён, весьма польщён, — хмыкнул Чи Нин, ничуть не раскаиваясь в том, что расставил ловушку для государя.

— И всё же, что имел в виду Сяньсянь? — недоумевал Цзян Чжиуэй.

«Он понял, что я замышляю мятеж» — подумал Чи Нин, сощутив глаза от удовольствия.

Простодушный старший брат так ничего и не заподозрил. Впрочем, Чи Нин и не собирался втягивать его в эти опасные игры. Если заговор провалится, пусть кара падет лишь на его голову, не запятнав соучеников.

— Второй брат считает, что негоже так обманывать Его Величество, — пустился в объяснения Чи Нин. — Зачем наш великий основатель установил столь суровые запреты? Неужели среди жён императоров и мужей принцесс за все века не рождалось достойных мужей? Напротив.

В анналах Великой Ци сохранилась история о блистательном учёном, чья судьба была загублена замужеством с принцессой. Не имея возможности применить свои таланты на службе, он угас от тоски, оставив потомкам лишь повод для бесконечных сетований на несправедливость законов.

Но почему закон по-прежнему суров к родне императриц?

Потому что лишь абсолютный, нерушимый запрет удерживает всю государственную систему от краха. Беда не в скудности благ, а в неравенстве их распределения. Государь полагает, что его пристрастия не несут вреда, но подданные рассудят иначе. Стоит одному получить милость, как другие сочтут себя обделёнными, и это породит волну затаённой злобы.

Сегодня император осыпает милостями род Чэнь, завтра придёт черёд родни императрицы из клана Лю, а там и мужья принцесс потребуют своей доли. Великая принцесса Канлэ слаба здоровьем и не может собрать под своим началом бывших соратников своего отца, но разве её супруг упустит такой шанс?

Стоит дать слабину — и плотину прорвёт.

Впрочем, к чему ограничиваться лишь смутой во внутреннем дворце?

Пусть весь мир погрузится в хаос, так будет куда забавнее.

— И ты, зная это, сознательно подталкиваешь государя к гибели? — покачал головой Цзян Чжиуэй. Он не питал преданности к нынешнему правителю, оставаясь верным памяти императора Тяньхэ, но беспокоился за друга. — Тебя же проклянут все кому не лень.

В Поднебесной хватало мудрецов, и кто-нибудь из советников непременно разгадает эту уловку.

— У меня нет иного выбора, — кротко отозвался Чи Нин, пытаясь успокоить старшего брата. — Ради восхождения на вершину приходится жертвовать малым. Когда я обрету истинную силу, я сам развею этот морок. Я породил эту бурю — я её и усмирю. А что до проклятий... Пусть лают,

от этого я не стану слабее.

Если не суждено оставить по себе добрую память в веках, пусть его имя покроет вечный позор.

Его жизнь должна быть яркой вспышкой, а не тлеющим углем.

— Мне важно лишь то, как я проживу свои дни. А что случится после кончины... Пусть судачат что угодно, моё имя всё равно навеки останется в летописях. Так или иначе, я остаюсь в выигрыше.

Лицемерный государь преподнёс Чи Нину немало приятных сюрпризов.

Воспользовавшись его подсказкой, он сумел усмирить ропот министров, одарил родню Чэнь дворянскими титулами и открыл молодым отпрыскам этого клана путь к высоким постам, ни словом не упомянув о роли Чи Нина в этом деле.

Попросту говоря, он присвоил его славу себе.

В награду за молчание император согласился на все условия Чи Нина: вернул Юй Синчуя из ссылки, распорядился учредить Западный притвор под началом евнуха Ма и намекнул, что кресло директора Восточного притвора вскоре займет сам Чи Нин.

О таком успехе Чи Нин не смел и мечтать.

«И надо же, какой великодушный правитель! — думал он с лукавой улыбкой. — Не только исполнил все мои желания, но и безропотно принял на себя гнев будущих поколений. Право, мне даже неловко».

<http://bllate.org/book/20385/2192513>